

ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ

Людмила
ФЕРРИС

Ценник
красивой
жизни

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф43

Оформление серии А. Старикова

Феррис, Людмила.

Ф43 Ценник красивой жизни : [роман] / Людмила Феррис. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Журналистское расследование).

ISBN 978-5-699-94147-6

После того как старейшего сотрудника редакции Серафиму Новикову уволили из газеты, она устроилась гардеробщицей в концертный зал. Но такая скучная работа не для Сима, она привыкла быть в эпицентре событий! Поэтому она вовсе не испугалась, когда во время одного из концертов случилось непонятное происшествие: Сима заметила на вешалке эффектное пальто, которое она точно не принимала! Дальше — хуже: она обнаружила убитую девушку! Сима решила сама выяснить, кто и почему ее убил. Это ее журналистский долг! Потому что бывших журналистов не бывает...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94147-6

© Феррис Л., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

ТРУП В ТУАЛЕТНОЙ КОМНАТЕ

Женское пальто было очень красивым — вельветовое, в мелкий рубчик, иссиня-черного цвета. Пуговички-кнопочки располагались аккуратно в ряд, как на баяне: того и гляди — задвигаются и заиграют.

«Интересно, какая же хозяйка у этого пальто? Наверное, холеная, с наманикюренными ногтями, на высоких каблуках», — подумала гардеробщица Серафима Павловна Новикова.

За два года работы в гардеробе БКЗ — городского большого концертного зала Серафима научилась безошибочно определять хозяина сданной на хранение верхней одежды. Вертлявые худенькие дамочки любили наряжаться в светлые тона драпа, женщины покрупнее предпочитали темные. Женат мужчина или нет, можно было понять сразу, у женатых вешалка крепко пришита, а холостяки сдавали пальто с вешалкой оторванной. Сима ругалась: «Что, некому вешалку пришить?», и, услышав в ответ, что некому, иногда пришивала оторванные петельки сама.

— Ты что, сумасшедшая? — возмущалась сменщица. — Этой услуги в преискуранте нет!

Но Сима молча улыбалась и продолжала пришивать. Когда-то в «другой жизни» Серафима Павловна была

далека от ремонта вешалок, но мысли о прошлом она гнала, как назойливых мух.

Модное черное вельветовое пальтишко Сима не принимала, это она помнила точно, но пальто висело на «ее номерках».

— Удивительное дело! Мимо меня никто не проскочит, а тут целое пальто появилось?! Неужели повесили, когда я бегала в буфет?

Десять минут на прием пищи гардеробщицам было официально разрешено, а Сима, как ей казалось, отошла всего минут на пять. Да и кому понадобится одежда в разгар концерта?

Серафима Павловна присела на стоящую за вешалками скамейку, деревянная плашка больно царапнула ногу, тоненькой стружкой потекла кровь. Серафима, ахнув, захромала в туалет. Вчера в туалете не работал кран, он фыркал и выдавливал по несколько капель воды.

В туалетной комнате всегда было чисто и пахло белизной. Серафима любила это время предвкушения, когда в фойе царило спокойствие, но вот-вот закончится концерт, и публика хлынет оживленным потоком по длинной мраморной лестнице. Застучат, как клювы птиц у кормушки, номерки, и она будет порхать по гардеробу, выдавая вещи. Сегодня кран починили. Но едва Сима открыла дверь, как увидела ноги.

Очень красивые ноги, стройные, в обтягивающих чулочках. Все, что было выше ног, тоже выглядело красиво — светлые кудрявые волосы, нежное лицо с большими ресницами, длинные пальцы. Только девушка не подавала абсолютно никаких признаков жизни.

Серафима Павловна не растерялась, она вообще была дамой сообразительной и до работы гардеробщицей в БКЗ долго трудилась в городской газете, возглав-

ляя отдел информации. Работа с информацией и журналистика как таковая, естественно, тренирует и нервы, и психику. Психика у Серафимы была устойчивой. Она проверила у девушки пульс, пульс не нащупывался, и побежала в приемную, к директору, попутно крикнув дежурной Галине:

— Вызывай полицию и «Скорую»! В туалете труп!

Галка охнула, заверещала и начала звонить, а Сима, перепрыгивая через ступеньки, добежала до третьего этажа, где находился кабинет директора, и, запыхавшись, ворвалась туда без стука:

— Петр Петрович! Беда!

— Номерок не вернули, Серафима Павловна? — Но подняв глаза, Петр Петрович удивился: — Ты откуда такая всклоченная? И кровь на ноге! Террориста задержала, который пытался прорваться на симфонический концерт?

— В туалете труп молодой девушки. Галя вызывает полицию. Спускайтесь срочно. Сейчас концерт закончится, выйдут люди. Надо успеть что-то сделать!

Вместе с испуганным директором они закрыли туалет, повесив вывеску «Не работает», выдача одежды была усилена несколькими дежурными, и только тогда вздохнули с облегчением, — публика ушла в неведении, и никто не догадался, что в туалете БКЗ, совсем рядом с гардеробной, лежит труп молодой и красивой девушки.

Пока ехала полиция, допрос с пристрастием устроил директор. Как оказалось, охранник чем-то отравился и приходил в себя в каморке персонала, а его функции взяла на себя дежурная по фойе Галина Сергеевна, успокоив, что народу на концерт пришло человек пятьдесят, немного по городским и концертным меркам, поэтому особо сторожить было незачем.

Бледный охранник клялся и божился, что отсутствовал минут десять, не больше. Петр Петрович застонал, схватившись за голову.

— Дорогие мои, я напрямик пойду по статье «халатность». Галина Сергеевна, вы ведь отлучались с рабочего места?

— Никуда я не уходила, — с ясными глазами со зврала дежурная, которой через полчаса после начала концерта надоело одной торчать у входа, и она отправилась в каморку к охраннику узнать о его здоровье. Охранник был вдовцом и последний месяц оказывал Галине всяческие знаки внимания.

Серафима об этом догадывалась и понимала, что Галка нагло врет. Никого на входе не было. Да, Петра Петровича по головке не погладят, и поэтому директора надо выручать.

Серафима Павловна попала в гардеробщицы БКЗ совершенно случайно. Много лет верно и преданно она служила в городской газете и была готова работать там до своего столетнего юбилея, но ветры перемен коснулись ее любимого издания. Прежнего главного редактора забрали в другой город, на повышение, а новым учредители назначили молодого человека по имени Артур Цепляйло, экономиста по образованию. Он срочно начал проводить реформы и в первую очередь предложил уволиться пенсионерам, в список которых попала и Серафима. Она не стала унижаться и объяснять, что прошло только два месяца с ее «пенсионной даты» и что она полна сил.

Когда новый руководитель, а Сима называла его про себя «мальчиком», пригласил ее в кабинет, сразу все стало понятно. Цепляйло смотрел куда-то в сторону, в окно, и будто разговаривал тоже с окном.

— Вы знаете, мы решили омолаживать кадры в газете.

Серафима Павловна даже поднялась на цыпочки, чтобы видеть, что же происходит за окном, может, там находились «мы», на которых ссылался новый начальник? Но из окна было видно только дорогу и медленно ехавший по ней трактор.

«Вот и я трактор, — подумала Сима. — Старый трактор, этакий первенец советского тракторостроения. Но откуда пришлому мальчику знать, что такая машина рассчитана на серийное производство и двигатель у нее хоть куда».

— Наверное, вам пора отдыхать, — продолжил свою речь Цепляйло.

— Наверное, — согласилась она и подумала, что все в жизни происходит не просто так.

Дочь Вера как раз накануне очень просила мать оставить работу и помочь с ребенком. Единственному внуку, пухлому Тимошке, стукнул год, и дочка хотела выйти на работу.

— Вы напишете заявление? — обрадовался мальчик.

— Напишу, — ответила Сима и снова заглянула в окно. Трактора уже не было.

Когда Серафима Новикова сообщила коллегам, что сегодня у нее последний рабочий день, в редакции не поверили.

— Как ты без газеты? А как газета без тебя? — удивленно спросила Катя.

Екатерина была единственной ее подчиненной. Собственно, отдел информации в газете состоял из двух человек — Серафимы и Кати. Но Сима всегда знала, что информация, которую они добывают, как крошки золо-

та из руды, старательно «намытые», считалась стержнем издания.

Это для молодых журналистов найти информацию проблема. А у Симы имелось свое «досье», проверенное годами, где даже «законсервированные» на время источники в нужный момент могли использоваться незамедлительно. Кстати, когда материал появляется на полосе, то требуется снабдить его ссылкой на источник. Если информатор не возражает против обнародования своего имени, — это лучший вариант для газеты. Но многие собеседники журналиста боятся «репрессий» со стороны своего начальства и не хотят общественной огласки, и тогда журналист вынужден вместо имени писать: «говорят, что...», «ожидается, что...», а это ослабляло материал.

Серафима Павловна обладала магией не только убеждения, но и пользовалась непререкаемым авторитетом среди своих информаторов. Она была журналистом, статьи которого всегда читали и ради которых многие покупали газету.

Ответа на Катин вопрос Сима не знала, потому что газета — это вся ее жизнь, как бы пафосно ни звучала фраза. Но оставаться в редакции сейчас было невозможно, — мальчик ее унизил и не считал даже нужным поговорить. Дорога за окном ему была интересней живого человека.

Два года Серафима «работала бабушкой» — варила кашу, ходила с внуком гулять, играла, словом, очень добросовестно выполняла свои обязанности. Каждый четверг, тайком от дочери, Сима покупала свою прежнюю газету и читала ее от корки до корки. Она «болела газетой» и знала, что это неизлечимо. Но на то человек и высшее существо, что он пытается управлять своими эмоциями. Только Симе для этого не-

обходимо было исключить газету из своей жизни, что не получалось, получилось только перестать общаться с бывшими коллегами. Для них Сима уехала — «далеко и надолго».

Отвлекал от переживаний малыш, внук, который занимал все пространство, Серафиме даже иногда не хватало времени для встречи с подругами — Ириной и Асей. Наконец Тимку устроили в садик, а Серафима заскучала еще больше, ведь за это время свою жизнь она подменила жизнью внука и совершенно не знала, что теперь делать.

На объявление «В большой концертный зал требуется гардеробщица» Сима натолкнулась невзначай.

— Почему нет? — спросила она себя. — На людях легче, чем одной.

И поднялась по мраморной лестнице. Только вот говорить руководству о том, что она бывший журналист, желания никакого не было. Сказала, что учительница, впрочем, почти не слушала, за плечами у Серафимы был филологический факультет «педа» и целый год школьного стажа. О тридцатилетнем стаже журналистском она умолчала.

Ее приняли сразу, и Сима легко расположила к себе директора Петра Петровича. Он решил, что бывшие учительницы вряд ли пьют и прогуливают. Последнее время с гардеробщицами у него не ладилось.

И директор ни разу не пожалел. С Серафимой Павловой все сложилось хорошо, к работе она относилась ответственно и никаких нареканий не имела.

Серафима полюбила БКЗ всей душой, ей нравилось все: бархатный занавес и отлитые под золото с вензелями ручки красных кресел, величественные мраморные лестницы, роскошные шторы на окнах и даже номерки в гардеробе — круглые, с тисненым скрипичным ключом.

Только последняя находка — труп в туалете, никак не вписывалась в ее восторженный сценарий.

На место происшествия прибыл следователь Руслан Аванесов. Он внимательно осматривал тело и кабинку, в которой оно обнаружилось.

— Я знаю этого мужчину, он с мусорным ведром из соседнего подъезда выходит, — зашептала Серафима Гале.

— Откуда ты всех знаешь?! У тебя вокруг столько знакомых. Следователь, и тот в соседнем подъезде живет. Труп тоже ты нашла! — завистливо сказала Галея.

— Нашла чему завидовать! Ты бы помолчала лучше, подставила всех, охранница фигова, тоже мне! Следователю и в голову не придет, что у нас нынче двери настезь — заходи, кто хочет! И молчи про своего престарелого Ромео, у Петра Петровича могут быть неприятности.

Сима одновременно и злилась на Галку, и ловила каждое движение, слово следователя и была первой, кого начали опрашивать.

— Как вы обнаружили труп?

— Я зашла в туалет вытереть кровь.

— Какую кровь?

— Господи, свою, конечно же! Ногу поцарапала, кровь потекла. Зашла, включила кран и увидела ноги из-под дверцы кабинки.

— Когда вы увидели тело?

— Да сразу же. Я же говорю, ноги увидела, потом дверь заскрипела и приоткрылась. Она там и лежала, красивая такая. — Сима вдруг поняла, что ее сейчас вырвет, закрыла рот рукой и бросилась к умывальнику.

— Поздняя реакция, — знающе прокомментировала Галея собравшемуся в вестибюле персоналу. —

Ну, Серафима, ну учудила. Сроду здесь трупов не было.

— Да при чем тут Серафима Павловна? — вступился директор. — Ей спасибо, что мгновенно среагировала, и публика ничего не поняла.

Галя поджала губы.

— Ну вот, даже и за труп похвалили. Одним словом, любимица.

Сима тем временем вернулась и плюхнулась на стул рядом с Аванесовым.

— Простите.

— Бывает, не каждый день трупы встречаете.

— Не говорите. *Cogrus*.

— Что?

— Это так тело по-латыни называется.

Аванесов с любопытством посмотрел на женщину.

— Кто только нынче в гардеробе не работает...

Итак, что вы увидели?

— Красивая девушка лежала на спине, руки раскинуты. Я сразу поняла, что она мертва.

— Почему поняли?

— Не почему. Поняла и все. Интуиция. Побегала к директору. Попросила дежурную позвонить в полицию.

— Рядом с трупом вы что-нибудь заметили? Телефон, авторучку, какие-нибудь вещи. Хоть что-нибудь. Может быть, вы кого-то видели?

— Нет, никого не видела и вещей рядом тоже не наблюдала.

— Если что-то вспомните, обязательно позвоните.

Серафиму отпустили раньше смены, и она была дома уже в десять вечера, выпила чая с лимоном и уснула. Про загадочное пальто, что висело на ее гардеробной территории, она совершенно забыла.

Глава 2

«ЖЕНСКИЙ КЛУБ» ИЗ ТРЕХ ПОДРУГ

Бывших учительниц, как и бывших разведчиков, не бывает. Когда военный выходит на пенсию, про него почему-то говорят — в запасе, а про учителя — бывший учитель. Надо бы и педагогам присваивать звание, как у военных, — учитель в запасе, тем более таким учителям, у которых педагогический стаж зашкаливает за тридцать лет.

Их «женский клуб» тоже существовал немало, больше двадцати лет, хотя, конечно, никаким клубом не был, это они так шутливо называли свои дамские посиделки.

Женщины когда-то начинали вместе работать в одной школе. Но Серафима Павловна после года преподавания литературы и русского языка ушла на «газетные хлеба», а две ее подруги так и приросли к профессии учителя. Ася Ивановна преподавала физику, Ирина Петровна — физкультуру. Но они продолжали дружить, заходили друг к другу в гости, а кроме обсуждения школьных новостей и газетных статей Сима однажды заговорила о сокровенном — семье, детях, чувствах, эмоциях, отношениях, и как оказалось, именно разговора о задушевном им и не хватало. Дамы пытались поддержать друг друга, дать совет, проанализировать житейскую ситуацию и сделать выводы. Такие встречи Сима первая назвала «женским клубом». Так и повелось, клуб да клуб. За два десятилетия каких только «заседаний» не было. По поводу «гулящего» мужа Ирины и ее ревности. Проблемы удочерения Асей Ивановной и ее мужем Никитой девочки. Проблемы подросткового возраста Веры — дочери Серафимы. Взаимоотношений в педагогическом

сообществе. Депрессии Серафимы из-за смерти мужа. Ну и так далее, и так далее.

Общение в клубе стало неотъемлемой частью их существования. Сима, например, готовилась к каждой встрече, читала литературу и уговаривала подруг на это время освободиться от уроков и контрольных работ, проверки тетрадей, олимпиад и научных конференций, секций и кружков, забыть на какое-то время о проблемах школьной дисциплины. Она освобождалась и сама, — от назойливых звонков читателей, от их неуместных вопросов, желания озадачить журналиста своими проблемами, гонки с текстами и сдачей материала, но, как оказалось, это и было смыслом и целью жития.

Серафима проснулась и открыла глаза. За окном уже настал день, она не помнила, что видела во сне, но снилось явно что-то очень жуткое. Сон был цветной, красный, словно кровь.

— Точно! Труп в туалете! Девушка убитая! Конечно, какой тут сон!

В дверь позвонили. Серафима посмотрела в глазок и увидела Ирину и Асю. Ася держала в руках коробку с тортом.

— Ой, простите, девчонки, заходите. У меня вчера на работе случилось ЧП, я чуть не проспала наш клуб. Уж не ругайте старую тетку.

— Ну, с нами под старушку-пенсионерку косить не надо, — засмеялась Ася, распаковывая торт. Ира по-хозяйски включила на кухне чайник.

— Доставай чашки, хозяйка, и рассказывай, что там у тебя на работе приключилось. Какой-нибудь пианист-виртуоз приезжает?

— Если бы! — вздохнула Сима и рассказала о том, как «отличилась» вчера на работе и обнаружила труп.